

Первая публикация: // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всероссийской научной конференции. М. 2006. С. 289-305

В.А. Бессонов, Б.П. Миловидов

Польские военнопленные Великой армии в России в 1812-1814 гг.

[289] Хотя тема военнопленных Великой армии в последние годы интенсивно исследуется и уже имеет довольно обширную историографию, вопрос о пленных поляках в России остается до сих пор малоизученным и, более того, в полном объеме даже не ставился.

В данной работе мы детально рассмотрим законодательную базу, регулировавшую положение военнопленных поляков, численность и особенности их положения в Российской империи, а также порядок и обстоятельства возвращения на родину. Эти аспекты проблемы освещаются в общем контексте российско-польских отношений той эпохи, без учета которых невозможно понять специфику пребывания пленными поляками в России.

В сентябре 1812 г., после занятия Наполеоном Москвы, стало ясно, что столь желаемая императором победа и мир по-прежнему далеки, а положение Великой армии день ото дня ухудшается. Увеличивалось и количество пленными, захваченными русскими войсками и доставляемых ежедневно в Главную квартиру. Именно в связи с этим 29 сентября 1812 г.¹ главнокомандующий армиями светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов направил из Тарутинского лагеря управляющему Военным министерством князю А.И. Горчакову письмо, в котором просил доложить императору ряд предложений касательно военнопленных. Кутузов предполагал, в частности, пленными поляками отсылать на Кавказскую линию, «где и можно было бы употребить их в полки на службу», а пьемонтцев в Одессу, откуда английский генерал Р. Вильсон берется переправить их посредством своей миссии в Константинополе на кораблях в Сардинию. В случае высочайшего соизволения, главнокомандующий армиями просил дать губернаторам соответствующее предписание об отправлении этих пленными в указанные места, а всех прочих отсылать в Тамбов². Не дожидаясь, однако, высочайшего одобрения, Кутузов приступил к выполнению своих предложений, по крайней мере, относительно пьемонтцев. Об этом свидетельствует письмо Р. Вильсона императору Александру I от 30 сентября (12 октября) 1812 г., в котором он сообщал, что фельдмаршал по его настоянию «отправил в Одессу всех пьемонтцев, пленными и дезертиров» и что «появление их в Средиземном море будет весьма выгодно для предприятий в той стороне»³.

[290] 16 октября 1812 г. Горчаков сообщил Кутузову, что император утвердил его предложения, и просил, чтобы тот отдал приказ воинским начальникам о снабжении партий пленными особыми списками поляками и пьемонтцев⁴. Тогда же Горчаков направил соответствующие предписания командующему отдельным Грузинским корпусом генерал-лейтенанту Н.Ф. Ртищеву, а также начальнику 19-й пехотной дивизией и командующему на Кавказской линии генерал-майору С.А. Портнягину. Причем в этих документах речь шла об отправке поляками в распоряжение не только 19-й, расположенной на Кавказской линии, но и 20-й дивизии, расположенной в Грузии. Таким образом, область предполагавшегося распределения поляками оказалась, по сравнению с предложением Кутузова, расширенной⁵. 28 октября 1812 г. Кутузов сообщил Горчакову о получении отношения от 16 октября и уведомил о своих распоряжениях относительно военнопленных испанцев и португальцев. Главнокомандующий приказал подчиненным воинским начальникам выделять пленными этих наций, которых, как и пьемонтцев, он предполагал отправлять в Одессу. Поэтому просил Горчакова содействовать изданию распоряжения для губернаторов о перенаправлении испанцев и португальцев в Одессу на том основании, что туда доставлять их будет удобнее, нежели в Петербург, как это делалось прежде⁶. Последнее предложение Кутузова принято не было, но о польских военнопленных такой циркуляр был подготовлен. 22 октября 1812 г. главнокомандующий в Санкт-Петербурге и управляющий Министерством полиции С.К. Вязмитинов на основании высочайшего повеления предписал начальникам областей и гражданским губернаторам направлять

всех военнопленных поляков в г. Георгиевск, в распоряжение генерал-майора Портнягина, причем об отправлении партий следовало сообщать в Министерство полиции⁷.

Следующий этап в развитии законодательства о пленных поляках был связан с решением Комитета финансов от 9 декабря 1812 г. В этот день Комитет представил императору свои соображения по отвращению казенных издержек на содержание пленных. В первом же пункте речь шла об обращении пленных поляков на укомплектование полков на Кавказе и в Грузии, «и даже на Сибирской линии». Как видно, география распределения польских военнопленных снова расширилась. Таким образом, предполагалось сократить число пленных, находящихся на содержании казны и сохранить собственных рекрутов для пополнения армий, действующих против неприятеля. Журнал этот был высочайше утвержден 29 декабря 1812 г.⁸ Кроме того, Комитет финансов предлагал определять пленных по их желанию на заводы и фабрики, предложить им поселиться в России [291] в качестве колонистов, а остальных употребить на простые работы⁹. Все эти предложения были реализованы позднее в российском законодательстве¹⁰. Основой для решения Комитета финансов, по всей вероятности, послужило мнение министра финансов Д.А. Гурьева о содержании военнопленных, которое датировано в публикации П.И. Щукина декабрем 1812 г., где среди мест отправления поляков фигурирует и Сибирская линия. В преамбуле к документу Гурьев пишет, что «содержание пленных, которых число ест ли и не простиралось более 100 тысяч человек, потребует по самому умеренному положению до 4 миллионов рублей в год». Далее Гурьев излагает все те меры относительно пленных, которые сформулированы в журнале Комитета финансов (в этой части оба документа почти полностью текстуально совпадают). «Сими или сему подобными распоряжениями, - писал министр, - не только сократятся издержки казны на содержание бесполезных людей и сами они приобретут себе выгоднейшую жизнь, но заменится несколько и убыль работников, ополчениями и наборами отнятых от нужных обществу трудов»¹¹.

Основываясь на мнении Комитета финансов, утвержденном императором, Вязмитинов 14 января 1813 г. направил губернаторам циркулярное предписание с требованием разделить всех пленных на четыре группы, каждая из которых получала свое назначение. К первой категории были отнесены поляки. Они должны были направляться для укомплектования полков на Кавказ, в Грузию и на Сибирскую линию. Другую группу составляли пленные, желавшие поступить по своим гражданским профессиям на работы, определиться на заводы и фабрики. Пленным-земледельцам предлагалось поселиться между колонистами Саратовской и Екатеринославской губерний. Остальных солдат Великой армии, которые пожелают остаться военнопленными, предписывалось употреблять «для облегчения их содержания на многоразличные простые работы в Москве и других городах, при исправлении и перестройке разрушенных домов». Все эти меры, фигурировавшие в мнении Комитета финансов, в циркулярном предписании излагались от имени Комитета министров. В преамбуле к циркуляру говорилось: «Комитет господ министров, желая сколько возможно сократить казенные издержки на содержание пленных и доставить самим им более удобностей жизни представлял государю императору мнение, которое удостоилось высочайшего утверждения»¹². Однако в фонде Комитета министров соответствующего журнала обнаружить не удалось. Объяснение этого противоречия, по всей видимости, следует искать в самом статусе Комитета финансов. Он был создан в 1806 г. и (по-видимому, с небольшими перерывами) функционировал до первой русской революции [292] как секретный межведомственный орган, координировавший во многом финансовую политику Российской империи. Активизация его деятельности приходилась на периоды финансовых затруднений и кризисов, как это было, в частности, в 1806 г. Именно секретный характер этого органа был, по-видимому, мотивом того, что в циркуляре, рассчитанном на значительную аудиторию чиновников, он был заменен Комитетом министров.

В циркуляре от 14 января 1813 г., касаясь практических шагов по реализации мнения «Комитета министров», Вязмитинов предписал губернаторам только представить к нему именные списки военнопленных поляков¹³. В свою очередь, в отношении к Горчакову от 4 февраля 1813 г. Вязмитинов писал, что в циркуляре от губернаторов требовалось доставить списки поляков, «не отсылая их далее»¹⁴. Указанной оговорки в тексте предписания нет. Поскольку документ от 4

февраля (впрочем, как и от 14 января) появился уже после издания предписания о приостановлении движения пленных по территории империи, некоторая неточность, допущенная Вязмитиновым в передаче содержания циркуляра, возможно, была связана с аберрацией памяти чиновника, загруженного колоссальным количеством работы. Следует, впрочем, отметить, что главнокомандующий в Санкт-Петербурге сообщил Горчакову истинное положение дел, так как в начале 1813 г. всякое перемещение военнопленных было остановлено. Это решение было принято Комитетом министров в связи с распространением эпидемических заболеваний еще 17 декабря 1812 г. и доведено до сведения губернаторов циркуляром главнокомандующего в Санкт-Петербурге от 24 декабря. Вторично запрещение движения пленных было подтверждено предписанием от 28 января 1813 г., в котором требовалось, чтобы «все пленные без изъятия оставлены были там, где повеление их настигнет, и отнюдь далее не были отправлены, впредь до особого по сему предмету предписания»¹⁵. Таким образом, несмотря на имевшееся решение правительства о судьбе польских военнопленных, подавляющее их большинство было оставлено на жительство в российских губерниях. Во многом это был гуманный акт, так как направление поляков зимой 1813г. на Кавказ и в Сибирь могло привести к их массовой гибели.

Вместе с тем Военное министерство, не поставленное первоначально в известность об остановке пленных, готовилось принять предназначенных на укомплектование войск поляков. 15 января 1813 г. Горчаков сообщил начальнику 29-й пехотной дивизии и командующему войсками на Сибирской линии генерал-лейтенанту Г.И. Глазенапу об отправлении поляков в Сибирь. Местом их назначения был Ишим¹⁶. В Ишим первоначально [293] планировалось отправлять пленных поляков из Виленской, Витебской, Курляндской, Лифляндской, Эстляндской, Псковской, С.-Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Вологодской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Казанской, Вятской и Пермской губерний. Из прочих (т.е. из центрально-черноземных и южных) губерний пленных следовало препровождать в Георгиевск¹⁷. Однако определенная военным ведомством география распределения военнопленных поляков не была реализована на практике. Вязмитинов, увидевший, что Военное министерство в своих планах не принимает во внимание распоряжение об остановке пленных, сообщил 21 января о сложившейся ситуации Горчакову, осведомившись, «не будет ли угодно, чтобы отправление поляков было тоже остановлено»¹⁸. В ответ управляющий Военным министерством прекратил подготовку к принятию в свое ведомство поляков и сообщил об остановке военнопленных Глазенапу и Портнягину¹⁹.

Между тем поляков на Кавказе ждали по причине некомплекта в войсках, который составлял более 1/3 личного состава. Первые пленные прибыли в Георгиевск в конце января 1813 г. Это была партия из 19 человек (2 штаб-, 15 обер-офицеров и 2 рядовых), отправленная в конце ноября 1812 г. из Саратова²⁰. Польских офицеров, из уважения к их званию, не распределяли в полки, а оставляли на жительство под надзором. Прибывших с офицерами двух нижних чинов определили в военнорабочие. Следующие партии, отправленные из регионов еще до остановки движения пленных, достигли Георгиевска в начале марта 1813 г.²¹ Так, 1 марта в распоряжение Портнягина поступило 348 поляков, направленных в начале декабря 1812 г. из Саратова. В соответствии с принятыми правилами, 100 нижних чинов было отправлено в Грузию, а остальные пленные включены в состав полевых и гарнизонных полков. Вторая партия, из Воронежа, численностью в 304 человека (в том числе 4 офицера и 2 женщины) прибыла 6 марта 1813 г. Однако начатое распределение по полкам было остановлено генералом Ртищевым, который, имея распоряжение о прекращении движения пленных, запросил 23 марта Военное министерство о том, как поступать с прибывшими на Кавказскую линию поляками. В ответ 23 мая Горчаков подтвердил принятое еще раньше решение определять польских пленных в полки 19-й и 20-й дивизий²².

Можно утверждать, что задуманное еще в октябре 1812 г. определение поляков на русскую службу началось только весной 1813 г. 4 марта главнокомандующий в Санкт-Петербурге уведомил Горчакова о направлении в Георгиевск военнопленных из Витебской, Черниговской, Московской, Костромской и Саратовской губерний. 6 марта в этот список были [294] включены Киевская и Тамбовская, 18 марта - Минская, Тверская, Курская и Полтавская и 28 марта - Лифляндская,

Курляндская, Новгородская, Орловская и Смоленская губернии. Всего планировалось доставить на Кавказ 6409 нижних чинов. Тогда же, 28 марта, Вязмитинов сообщил Глазенапу о направлении в Ишим польских пленнх из Оренбургской, Пермской, Вятской и Псковской губерний (всего 926 человек) для распределения по полкам 29-й дивизии²³. Указанная Вязмитиновым численность поляков в губерниях была в основном взята из ведомостей о количестве пленнх по 15 февраля 1813 г., поступивших в Министерство полиции с мест. При этом, согласно циркуляру от 16 января 1813 г., критерием для определения национальности являлась часть, где служил пленный, а не его место рождения («вообще наблюдать, чтобы пленные различаемы были не по нациям народным, а по нациям войск; например, итальянец служивший во французских войсках, должен быть показан в линейке французов, а не итальянцев»²⁴). Следовательно, в числе польских пленнх могли оказаться лица, по своему происхождению не имевшие никакого отношения к полякам.

Для обеспечения беспрепятственного прохождения во все, находившиеся на пути движения поляков, губернии главнокомандующий в Санкт-Петербурге разослал отдельные предписания с изложением правил, какие надо соблюдать при следовании партий. Подобный документ был направлен Вязмитиновым 27 марта 1813 г. калужскому губернатору, который должен был следить за следованием из Новгорода в Георгиевск 103 поляков²⁵.

13 мая Вязмитинов сообщил Горчакову о данном кавказскому гражданскому губернатору распоряжении относительно вдов и незамужних женщин, которые в числе польских пленнх будут доставляться в Георгиевск. Они получали билеты на жительство и должны были сами заботиться о своем пропитании. Впрочем, писал Вязмитинов, о наличии таких женщин среди пленнх поляков в Министерстве полиции сведений не имеется²⁶. Что касается замужних женщин, то они, по общим правилам, состояли на иждивении своих мужей.

19 августа 1813 г. из Министерства полиции последовало циркулярное предписание «О правилах какие надо наблюдать при приеме в подданство пленнх». В нем Вязмитинов указал на недопущение поляков к присяге на подданство, подтвердив, что «все они отправляемы должны быть по прежнему предназначению их в Георгиевск к господину генерал-майору Портнягину, или в Ишим к господину генерал-лейтенанту Глазенапу»²⁷. Такая позиция правительства в отношении поляков была подтверждена главнокомандующим в Санкт-Петербурге в рекомендациях по исполнению правил [295] о приеме военнопленнх в подданство, утвержденных Комитетом министров и разосланных губернаторам при циркуляре Министерства полиции от 4 ноября 1813 г.²⁸

Пленные поляки оказались не самым подходящим контингентом для службы на беспокойной южной границе империи. Ссылаясь на рапорты Портнягина и владикавказского коменданта И.И. Дельпоццо, Ртищев писал Горчакову 1 августа 1813 г., что пленные поляки «не надежны быть в войсках, моему начальству вверенных, по расположению их на границах, близких к Персии». По пути в Грузию поляки во множестве совершают побеги, надеясь уйти в Персию, где есть французские комиссары. И хотя из 90 бежавших пойманы 85 чел, но когда они познакомятся с жителями и местностью, предотвратить побеги будет невозможно, а в случае военных действий они непременно изменят. Более того, среди беглецов могут быть шпионы и поэтому английский посланник при персидском дворе просит сообщать о всех случаях побегов, чтобы он мог принять соответствующие меры на территории самой Персии²⁹. Из приложенного рапорта Дельпоццо от 3 июля 1813 г. следует, что польские военнопленные, по его впечатлениям, «имеют непреклонную преданность к Франции и ненависть к России». В частности, на допросе пойманные беглецы (речь идет о коллективном побеге 26 июня, когда по пути в Грузию из партии в 112 человек бежало 47) заявили, что они хотели пройти в Чечню, а оттуда в Персию к французскому посланнику³⁰.

Еще один инцидент, связанный с неповиновением поляков, был доведен Портнягиным 10 июня до сведения Горчакова и Ртищева. Он сообщал, что, по донесениям шефа Казанского пехотного полка полковника О.Л. Дебу, 166 человек пленнх поляков, назначенных в этот полк, не взирая на его внушения, отказались присягать на верность службы его императорского величества. Решительный Дебу разделил их на несколько групп и приказал содержать под караулом. Зачинщиков, имевших унтер-офицерские звания, он приказал содержать в роте на гауптвахте «и по прочим

кардегардиям». Портнягин приказал разослать поляков по ротам и привести их к присяге, а зачинщиков, также распределив по ротам, наказать «при собрании оных» палками, дав каждому по 50 «лозанов». Если же и после этого поляки откажутся от присяги, то Портнягин приказал употреблять их в службу без нее, внушив, что за провинности и упущения они подвергнутся более суровому наказанию, чем присягнувшие³¹. Управляющий Военным министерством 16 июля одобрил действия Портнягина и распорядился впредь поляков «отсылать в дальние крепости для употребления в тяжелые работы под строгим надзором»³².

[296] Со своей стороны, Ртищев, получив рапорт Портнягина, предписал не отправлять поляков более в Грузию, а распределять в полки на линии³³. Кроме того, Ртищев просил Горчакова и вовсе отменить присылку поляков на Кавказскую линию, опасаясь возможности побегов в Персию и Турцию. Вместо этого он предлагал обратить пленных на службу в другие войска, располагавшиеся в России и в Сибири³⁴. 3 сентября 1813 г. Горчаков отвечал Ртищеву, что причины не посылать поляков в Грузию он находит основательными, но отказаться от посылки пленных на Кавказскую линию считает невозможным. Он требовал предписать Портнягину установить за пленными строгий надзор, а беглецов и виновных в проступках «отсылать в крепости дальнейшие для употребления в работы под строгим присмотром»³⁵.

О поведении поляков и невозможности их распределять в регулярные части Ртищев 15 августа рапортовал лично императору. По этому вопросу последовало высочайшее повеление пленных поляков, не желающих служить в Грузии и на Кавказе, отправлять в войска, расположенные в Сибири. 25 сентября это решение было доведено А.А. Аракчеевым, возглавлявшим Собственную его величества канцелярию, до сведения Горчакова, который, в свою очередь, 13 октября сообщил о нем Ртищеву³⁶. Так как вопрос с поляками касался военного ведомства, то Вязмитинов, возглавлявший гражданское управление, не был извещен о повеление императора. Поэтому ситуация с 166 поляками, отказавшимися от присяги была рассмотрена в Комитете министров только 5 декабря 1813 г. Комитет одобрил действия Портнягина и приказал также поступать с выказывавшими неповиновение поляками и впредь³⁷.

19 ноября командир Нарвского драгунского полка полковник Д.А. Улан сообщал Горчакову, что по случаю выступления полка за границу на пленных поляков (90 человек в полку) полагаться нельзя, поскольку они склонны к побегам³⁸. На это управляющий Военным министерством отвечал, что к полякам следует относиться не как к военнопленным, а как к солдатам, но вместе с тем следует «иметь за ними неослабный надзор под благовидными предложениями»³⁹.

Люди требовались на Кавказе не только для укомплектования регулярных и гарнизонных полков, но и для инженерных работ. Ртищев, как следует из его рапорта Горчакову от 1 августа 1813г., приказал 500 человек отправить на работы по укреплению берегов Терека под присмотром казаков и воинских команд с производством каждому сверх Положенного провианта по 15 коп. в сутки⁴⁰. Горчаков 3 сентября утвердил это предписание Ртищева⁴¹.

9 октября 1813 г. Портнягин сообщил Горчакову, что все полки на Кавказской линии укомплектованы поляками, но после этого осталось еще [297] около 3 тыс. пленных, которых употребляли на строительные работы. Однако с наступлением холодов и приостановлением этих работ поляки «будут оставаться праздными и издержки на содержание их от казны употребленные будут для нас бесполезны и излишни». Поэтому Портнягин, для уменьшения казенных расходов, предлагал отдать пленных как рабочую силу частным лицам Кавказской губернии, которые сами его об этом просили⁴². Рассмотрев это предложение, Горчаков 21 ноября предложил Ртищеву доукомплектовать поляками гарнизонные части и полевую артиллерию (до 500 человек), а оставшихся способных к службе пленных распределить равномерно по частям сверх комплекта или, по своем усмотрению, усилить ими Георгиевский гарнизонный батальон (ротой) и Владикавказский гарнизонный полк (батальоном)⁴³. Таким образом, предложение Портнягина о раздаче пленных осенью 1813 г. в частные руки принято не было. Но уже 20 февраля 1814 г. Горчаков сам запросил Ртищева, сколько пленных поляков останется после укомплектования полков, и можно ли обратить их на работы к партикулярным людям для снижения расходов на их

содержание⁴⁴.

Надо сказать, что и в Сибири поляки не отличались хорошим поведением. В августе 1813 г. сибирский генерал-губернатор доносил Вязмитинову, что прибывшие из Вятской губернии поляки «по свойству духа их» устраивают с местными крестьянами драки. Поэтому власти Ишима вынуждены были часть их разместить по окрестностям, а в городе учредить караулы и ночные обходы⁴⁵. Свидетельством нелояльности польских пленным к России является и история заговора в Томске⁴⁶. Но вместе с тем именно в Сибири проявилась тенденция к массовому вступлению поляков в российское подданство. Возможно, это было связано с тем, что пленные встретили здесь своих земляков, высланных на Сибирскую линию еще в XVIII в. после поражения конфедерации. Так, 25 октября 1813 г. Глазенап рапортовал Горчакову, что командующий 1-м батальон Тобольского гарнизонного полка подполковник Нараевский «успел благоразумными мерами склонить к вступлению в вечное России подданство и привел на верность службы к присяге» 115 поступивших в батальон поляков⁴⁷. 20 декабря Глазенап сообщил в Военное министерство, что с 7 декабря в российское подданство вступило 128 поляков⁴⁸. Вообще из находящихся в Сибири пленным 698 человек (примерно 28% от общего числа) изъявили желание присягнуть на вечное подданство⁴⁹.

Поляки были специфическими пленными, они принадлежали к армии противника, но вместе с тем многие из них жили на территориях, на которые Россия претендовала и которые вошли после войны в ее состав. [298] В связи с этим отношение к ним было двойственным, с одной стороны как к пленным, с другой - как к мятежным подданным. Витебский губернатор сообщал, в частности, что большая часть из военнопленных, пожелавших присягнуть на подданство России, оказалась пленными поляками из Герцогства Варшавского. Они, не желая избирать себе род жизни, как это полагалось по законодательству, просили выдать им паспорта с правом свободного проживания в бывших польских губерниях. Вязмитинов, «открывая в самом требовании сем неблагонамеренное расположение сих людей» и учитывая их прошлое, подтвердил всем начальникам губерний, чтобы они по-прежнему отправляли польских пленным в Георгиевск и Ишим. Комитет министров рассмотрел этот вопрос на заседании 19 августа 1813 г. и принял распоряжение Вязмитинова к сведению⁵⁰.

11 ноября 1813 г. главнокомандующий в Санкт-Петербурге вынес на заседание Комитета министров вопрос, поставленный гродненским губернатором. По его данным среди пленным оказывалось много лиц из литовских губерний (Виленской и Гродненской), живших в казенных или помещичьих селениях и взятых в наполеоновскую армию по конскрипциям. Некоторые из них вышли с неприятелем за границу «и разными случаями избегли неприятельской службы». Губернатор спрашивал, считать ли этих людей пленными или вернуть своим помещикам. Комитет принял решение поступать с ними на основании общих постановлений о пленным поляках, т. е. отправлять их в Георгиевск и Ишим⁵¹. В соответствии с этим решением, С.К. Вязмитинов 22 января 1814 г. издал предписание гражданским губернаторам⁵².

27 марта 1814 г. Вязмитинов в секретном циркуляре, посвященном праву пленным и сосланных под надзор полиции заключать акты на их имения, посвятил отдельный пункт полякам. Этим пунктом российским подданным бывших польских губерний, взятым в плен, «а равно таковым же обоюдным подданным» запрещалось совершать акты на имения, расположенные в России, поскольку они находились под секвестром согласно манифесту 12 декабря 1812 г.⁵³ Впрочем, в это время правительство уже решало вопрос о возвращении поляков на родину.

23 февраля 1814 г. Аракчеев сообщил главнокомандующему в Санкт-Петербурге высочайшую волю об освобождении поляков из плена⁵⁴. Вязмитинов внес этот вопрос на рассмотрение Комитета министров 17 марта 1814 г. Он предлагал вернуть немедленно по домам генералов, офицеров и нижних чинов, которые находятся в ведении Министерства полиции. Возвращение производить на тех же основаниях, на каких освобождались пленные прочих союзников Наполеона. Кроме того, следовало [299] предписать начальникам тех губерний, откуда происходят эти пленные, чтобы они наблюдали за поведением вернувшихся и обязали их подпиской не покидать

без особого разрешения своих домов⁵⁵. Но поскольку, по данным Министерства полиции, около 7 тыс. поляков было направлено на комплектование войск на Кавказе и в Сибири, то Вязмитинов особо вынес вопрос об их освобождении на разрешение Комитета министров. При этом он предлагал истребовать от управляющего Военным министерством, могут ли эти пленные быть отпущены на родину безболезненно для войск, в которые они зачислены, и в случае невозможности немедленного их отпуска, выяснить сроки, в которые их могут заменить рекруты. При их отправке домой Вязмитинов предлагал оставить за ними выданную в полках одежду, поскольку другой они не имеют. Наконец, около 3 тыс. пленных, занятых на Кавказе укреплением берегов Терека, Вязмитинов предлагал тотчас отпустить по сношению с Горчаковым⁵⁶. Комитет министров решил привести высочайшую волю в исполнение только относительно пленных, подведомственных Министерству полиции. Принимая во внимание, что пленные, состоящие в ведении Военного министерства, находятся на действительной службе и их замена зависит от поступления пополнения и сопряжена со значительными расходами, Комитет министров посчитал возможным поляков «впредь до удобного времени оставить в теперешнем их положении» и испросил на это высочайшее соизволение⁵⁷.

6 апреля 1814 г. главнокомандующий в Санкт-Петербурге издал циркулярное предписание об освобождении поляков, находящихся в ведомстве Министерства полиции и сообщил об этом, равно как и о решении Комитета министров, 10 апреля 1814 г. Аракчееву⁵⁸. В циркуляре содержалось требование перед освобождением поляков отбирать у них «письменное показание: откуда кто родом, и где намерен основать свое жилище». В Белосток предписывалось направлять пленных, возвращавшихся в Герцогство Варшавское или Пруссию, в Радзивиллов - тех, кто следовал в Галицию. Поляков, проживавших на присоединенной к России территории, следовало препровождать к начальнику той губернии, «где они намерены основать свое жилище». Кроме того, Вязмитинов предписывал доставлять к нему именные списки «с показанием куда именно кто отправлен, имеет ли дом свой, или где намерен основать свое жилище»⁵⁹. В том же месяце 25 числа министр юстиции получил именной указ с предложением вернуть во владение освобождаемым из плена полякам конфискованные ранее имения. Возвратить имения следовало также и «чинам, возвращающимся ныне из Франции польских войск»⁶⁰.

[300] Получив 28 апреля в Париже отношение Вязмитинова от 10 числа Аракчеев 30 апреля сообщил ему последовавшее на решение Комитета министров высочайшее повеление, согласно которому пленные поляки, находящиеся на службе и при работах, были распущены по домам, а вместо них следовало немедленно отправить нужное количество рекрут. Вязмитинов вынес этот вопрос на заседание Комитета министров, предложив пленных, находящихся при работах, отправить по домам немедленно, пленных же, распределенных в войска, - лишь по мере того, как будут прибывать вместо них рекруты. Отправление военнопленных предполагалось производить на тех же основаниях, что и прежде. Комитет министров на своем заседании 26 мая 1814 г. утвердил эти предложения⁶¹.

Однако еще 13 мая 1814 г. Вязмитинов, получив через Аракчеева высочайшее повеление, направил предписание начальникам губерний, «чтобы все без изъятия пленные, в России находящиеся, каких бы они наций не были, отпущены были в отечество»⁶². Об этом он сообщил в Комитет министров, который рассмотрел его записку и принял ее к сведению только 30 мая 1814 г.⁶³ Судя по документам, при получении в Военном министерстве предписания от 13 мая еще не знали, следует ли отпускать находящихся в его ведении поляков, но на всякий случай решили с этим подождать. Впрочем, в мае же было отдано распоряжение и об их возвращении на родину⁶⁴. Пленных было предписано содержать на счет военного ведомства и снабжать рекрутской одеждой. Фактическое же возвращение пленных поляков с Кавказа и Сибири началось во второй половине 1814 г., во всяком случае согласно ведомости на 2 июля 1814 г., эти пленные еще числились не отправленными⁶⁵.

По сведениям, собранным к этому времени, в ведении Министерства полиции состояло 9 генералов, 35 штаб-, 693 обер-офицеров, 27 медицинских и военных чиновников, и 896 рядовых (на 2 июля 1814г. были возвращены на родину 4 генерала, 15 штаб-, 228 обер-офицеров, 11 чиновников и

896 рядовых)⁶⁶. В ведении Военного министерства на май 1814 г. состояло 11421 пленных поляков (в Сибири - 2458, на Кавказе и в Грузии - 8963 человека)⁶⁷. 23 июля 1814 г. Глазенап уточнил, что число прибывших в Сибирь поляков было 2459, из которых убыло «разными случаями» 71 человек⁶⁸. Согласно данным, собранным в апреле 1814 г. Ртищевым и доставленным Горчакову, в Грузии находился 851, а на Кавказе - 8112 пленных поляков. Последние были распределены следующим образом. В полевых войсках состояло 2014 военнопленных, в гарнизонных - 2515, в казачьих (до открытия вакансии в регулярных частях) - 1313, [301] в подвижной инвалидной роте - 47, при Георгиевском госпитале - 37, в денщиках - один. Кроме того, 11 поляков были определены в Георгиевскую инженерную команду и 2174 - в военнорабочие инженерного ведомства для укрепления берегов Терека⁶⁹. Следует отметить, что военнопленные поляки составляли более четверти личного состава войск, расположенных на Кавказской линии. Таким образом, привлечение в 1813 г. польских пленных на службу действительно способствовало решению проблемы укомплектования войск и позволяло высвободить часть рекрут для пополнения действующих армий.

За день до предписания об освобождении всех пленных, т. е. 12 мая 1814 г., последовало разъяснение к предписаниям, касавшимся возвращения военнопленных⁷⁰. В этом циркуляре Вязмитинов указывал, что посылаемые губернаторам распоряжения об отправлении пленных в отечество никаким образом не касаются сосланных под присмотр полиции «поляков и. других наций людей». Всех их предписывалось оставить на местах и содержать под надзором до получения повеления. Следует заметить, что среди этих сосланных были и попавшие в плен военнослужащие, на которых разрешение вернуться на родину не распространялось⁷¹. Их освобождение стало возможным лишь после подписания 30 августа 1814 г. всемилостивейшего манифеста, в 19-м пункте которого говорилось о прощении всех, кто был связан с врагом или служил у неприятеля⁷².

9 марта 1815 г. было принято положение Комитета министров относительно военнопленных поляков, возвращенных на прежние места жительства, расположенные в российских губерниях. Однако указом от 12 февраля 1816 г. оно было отменено⁷³.

Таким образом, приняв еще в октябре 1812 г. решение об использовании военнопленных поляков для укомплектования регулярных полков, российские власти на протяжении всего времени пребывания пленных в России неукоснительно следовали этому правилу, не давая полякам возможности избежать сделанного им назначения. Следует отметить, что последовательное ущемление прав военнопленных поляков происходило, несмотря на высочайший манифест от 12 декабря 1812 г. В нем объявлялось прощение жителям присоединенных к России от Польши областей, которые находились на службе неприятеля и тем, кто в течение двух месяцев покинет неприятельскую армию и вернется в свои дома. Относительно же военнопленных говорилось, что «пленные, взятые с оружием в руках, хотя не изымлются из сего всеобщего прощения, но без нарушения справедливости не можем Мы последовать движениям Нашего сердца, доколе плен их разрешится окончанием настоящей [302] войны. Впрочем, и они в свое время вступят в право сего Нашего всем и каждому прощения»⁷⁴.

Чем было вызвано такое специфическое отношение к польским военнопленным, которого мы не наблюдаем ни в отношении к другим пленникам Великой армии, ни к пленным европейцам в войнах России XIX столетия? Представляется, что в этом сыграли роль несколько обстоятельств. Во-первых, это огромное количество пленных и недостаток средств на их содержание, которое пытались уменьшить за счет привлечения военнопленных к работам. Недаром Комитет финансов комплексно рассматривал эту проблему и вопрос о зачислении поляков в службу. Во-вторых, это сложившаяся на протяжении XVIII в. практика отношения к полякам не как к регулярным противникам, заслуживающим уважения, а как к мятежным подданным, достойным наказания. В частности, пленные польские конфедераты в 1770-х годах отправлялись в Сибирь, где многих из них приписывали к казачьему сословию. Они были обязаны, приняв присягу на верность императрице, нести наравне с казаками воинскую службу⁷⁵. Раздавали, кстати, тогда поляков и в

частные работы, что являлось рудиментом традиций той эпохи, когда пленные могли принадлежать не только государству, но и частным лицам⁷⁶. Более того, часть пленных отдавалась в вечное услужение помещикам, т. е. фактически становились крепостными⁷⁷. Единственным средством избежать отправки в Сибирь или в Оренбург, остаться вольными людьми и самим избрать себе род занятий было принятие православия⁷⁸. Наконец, играло роль и еще одно обстоятельство. Это традиция зачисления военнопленных на службу в свои войска, которая восходила к временам Нового времени с его наемными армиями. В России такая практика существовала еще в конце XVIII в., когда шведских пленных войны 1788-1790 гг. отправляли на юг в распоряжение Г.А. Потемкина для укомплектования судов гребной флотилии, а после заключения мира вернули на родину⁷⁹. Оставалась она и в начале XIX в., когда взятые в плен в 1806 - 1807 гг. французы использовались для укомплектования полков регулярной пехоты⁸⁰. В связи с этим совершенно не удивительно, что инициатива о зачислении поляков в войска на окраине государства исходила от М.И. Кутузова, человека XVIII столетия, хорошо знавшего практику ведения войны того времени, чье мировоззрение сложилось в эпоху неограниченной территориальной экспансии Российской империи и затяжной борьбы с польскими конфедератами. И вполне закономерно, что эта инициатива была с готовностью поддержана правительством и, несмотря на манифест императора о прощении поляков, была реализована на практике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все даты приводятся по старому стилю. Для документов, датированных по новому стилю, дата указывается в скобках.

² Материалы по Отечественной войне: Подроб. журнал исходящих бумаг Собств. канцелярии Главнокомандующего соединен. армиями генерал-фельдмаршала Кутузова-Смоленского в 1812г. М., 1912.С.359.

³ *Вильсон Р.Т.* Дневники письма, 1812-1813. СПб., 1995. С. 178.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее - РГВИА). ФЛ.Оп. 1. Д. 2660. Л. 4.

⁵ Там же. ЛЛО, 11.

⁶ Материалы по Отечественной войне... С. 142; Кутузов М.И.: Сб. документов. М., 1955. Т. 4, ч. 2. С. 236.

⁷ Государственный архив Калужской области (далее: ГАКО). Ф. 32. Оп. 20. Д. 22. Л.613.

⁸ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2660. Л.21; Российский государственный исторический архив (далее: РГИА).Ф. 515. Оп. 29. Д. 1030. Л. 1; Опубликовано: *Шведов С.В.* Пленные Великой армии в России // Отступление Великой армии Наполеона из России. Малоярославец, 2000. С. 69-70.

⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2660. Л. 21-22.

¹⁰ См. подробнее, напр.: *Бессонов В.А.* Содержание военнопленных Великой армии в 1813-1814 гг.//Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2000. С. 11-29.

¹¹ Бумаги, относящиеся до войны 1812г., собранные и изданные П.И. Щукиным. М., 1890. Ч. 5. С. 67-68.

¹² ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 530. Л. 45; РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 176. Л. 33 об.

¹³ Там же.

¹⁴ РГВИА. Ф. 1 Оп. 1. Д. 2660. Л. 31.

¹⁵ ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 530. Л. 74.

¹⁶ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2660. Л. 23.

¹⁷ Там же. Л. 24.

¹⁸ Там же.Л.27.

¹⁹ Там же. Л. 28-29.

²⁰ Там же. Д. 2635. Л. 40; Д. 2658. Л. 250; Бессонов В.А., Тотфапушин В.П. Военнопленные Великой армии в Саратовской губернии // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 г.: Материалы Всерос. науч. конф. Саратов, 2002. С. 167.

²¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2660. Л. 40,42; Д. 2658. Л. 47, 250; Бессонов В.А., Тотфапушин В.П. Указ. соч. С. 167.

²² РГВИА. Ф. 1 Оп. 1. Д. 2658. Л. 49.

²³ Там же. Л. 89.

²⁴ ГАКО. Ф.32. Оп.19. Д.530. Л.235.

- ²⁵ Там же. Л. 196.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2658. Л. 62.
- ²⁷ ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 530. Л. 474.
- ²⁸ Там же. Л. 633.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 1 Оп. 1. Д. 2961. Л. 32.
- ³⁰ Там же. Л. 37.
- ³¹ Там же. Д. 2658. Л. 132-133; Д. 2961 .Л. 38-39.
- ³² Там же. Д. 2658. Л. 134.
- ³³ Там же. Д. 2961. Л. 32 об.
- ³⁴ Там же. Л. 33 об.
- ³⁵ Там же. Л. 42.
- ³⁶ Там же. Д. 2658. Л. 205,209,210.
- ³⁷ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д.49. Л. 21 об.-24.
- ³⁸ РГВИА. Ф. 1.Оп. 1. Д. 2635. Л. 177.
- ³⁹ Там же. Л. 180.
- ⁴⁰ Там же. Д. 2961. Л. 32 об.-33.
- ⁴¹ Там же. Л. 42.
- ⁴² Там же. Д. 2658. Л. 240.
- ⁴³ Там же. Л. 243-244.
- ⁴⁴ Там же. Д. 2635. Л. 162.
- ⁴⁵ Там же. Д. 2995. Л. 3.
- ⁴⁶ См. об этом подробнее: *К-шов К.* Томский заговор // Ист. вестн. 1912. № 8. С. 622-644; Выписки из журналов Комитета министров от 30 июня и 28 ноября 1814г. // *Бумаги*, относящиеся до войны 1812г., собранные и изданные П.И. Щукиным. М, 1903. Ч. 7. С. 189.
- ⁴⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2658. Л. 247.
- ⁴⁸ Там же. Л. 260.
- ⁴⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 542. Л. 8.
- ⁵⁰ РГИА.Ф.1263.Оп. 1.Д.45.Л.193.
- ⁵¹ Там же. Д. 48. Л. 123 об.-124.
- ⁵² ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 925. Л.56; Государственный архив Ярославской области (далее: ГАЯО). Ф. 73. Оп. 4. Д. 82. Л. 160.
- ⁵³ ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 925. Л. 236; ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 82. Л. 179.
- ⁵⁴ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1 Д. 656. Ч. 2. Л. 158.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 58. Л. 388.
- ⁵⁶ Там же. Л. 389-390.
- ⁵⁷ Там же. Л. 391.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 2. Л. 158-159.
- ⁵⁹ ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 530. Л. 253.
- ⁶⁰ Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ-1). СПб., 1830. Т.32. №25575; Указ Правительствующему сенату № 4940 от 31 мая 1814г.// Рос. нац. библиотека. Указы Правительствующего Сената за 1814 г. Л. 60.
- ⁶¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 60. Л. 596-597.
- ⁶² ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 925. Л. 301.
- ⁶³ РГИА.Ф. 1263. Оп. 1.Д. 60. Л. 683.
- ⁶⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 542. Л. 5,11.
- ⁶⁵ РГИА.Ф. 1409. Оп. 1.Д.657.Л. 127 об.
- ⁶⁶ Там же. Л. 127.
- ⁶⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 542. Л. 5.
- ⁶⁸ Там же. Ф. 395.Оп. 138. Св. 83. Д.6. Л. 34.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1, Д. 2658. Л. 46.
- ⁷⁰ Государственный архив РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 177. Л. 1; ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д.961а.Л. 1.
- ⁷¹ *Бессонов В.А.* Полицейский надзор за пленными 1812г.// Отступление Великой армии Наполеона из России. Малоярославец, 2000. С. 76-89.
- ⁷² ПСЗ-1.Т.32.№25671.

⁷³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 92. Л. 243.

⁷⁴ ПСЗ-1. Т. 32. № 25289.

⁷⁵ *Воробьев Г. А.* Француз-конфедерат в Сибири // Ист. вести. 1898. № 8. С. 547, 549.

⁷⁶ Там же. С. 549-550.

⁷⁷ ПСЗ-1. Т. 21. № 15158.

⁷⁸ ПСЗ-1. Т. 19. № 19395; Т. 21. № 15158.

⁷⁹ Адмирал Ушаков. М., 1951. Т. 1. С. 120, 439, 443.

⁸⁰ РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 435. Л. 293.